

Михаил Волконский

КНЯЗЬ
НИКИТА
ФЁДОРОВИЧ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Князь Никита Фёдорович / М. Волконский. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 310 с.

ISBN 978-5-521-06155-6

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

События романа «Князь Никита Фёдорович» разворачиваются в период начала правления императрицы Анны Иоанновны, экс-герцогини Курляндской. Вместе с главным героем читатель погрузится в мир захватывающих дворцовых интриг и раскроет секреты невероятных событий...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-06155-6

© Т8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
I. Митава.....	7
II. Кудесник.....	15
III. Герцогиня Курляндская.....	23
IV. Охота.....	34
V. Бестужева.....	47
VI. Бал.....	54
VII. Отец.....	65
VIII. Старый замок.....	73
IX. Счастливы́й день.....	86
X. А день все-таки счастливый.....	99
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	109
I. Прошлое.....	111
I. В Петербурге.....	117
III. Рабу́тин.....	133
IV. Курляндское дело.....	147
V. Пропове́дь духа.....	159
VI. Подметное письмо.....	167
VII. Смерть.....	179
VIII. Все к лучшему.....	192

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	205
I. Старый знакомый.....	207
II. Неудача	222
III. Новый год.....	237
IV. Чем кончится	245
V. Разлука.....	259
VI. В деревне.....	269
VII. Гость.....	278
VIII. Снова в Петербурге.....	284
IX. В монастыре	299
X. Конец.....	306

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*«Ты защищал, Господи, дело души
моей, искупляя жизнь мою».*

«Плач Иеремии», гл. III, ст. 58.

I

Митава

По воле государя князь Никита Федорович Волконский был записан в Преображенский полк и отправлен в числе других молодых людей за границу для обучения разным наукам и искусствам. Он безостановочно ехал морем от Петербурга до Риги, откуда должен был продолжать путешествие на лошадях, направляясь в Курляндию, на Митаву.

Два года тому назад Рига, сдавшаяся русскому оружию, вошла уже в состав Российской империи, и, согласно данному царем приказанию ни минуты не останавливаться в пределах России, Никита Федорович не мог мешкать в этом городе. Только в Митаве мог он отдохнуть.

Он остановился здесь у товарища своего детства Черемзина, занимавшего, по своему придворному положению, небольшую квартиру в самом замке Кетлеров, служившем резиденцией герцогини Курляндской.

Черемзин, разбитной молодой человек, побывавший за границей, в Париже, живо впитал в себя верхи европейской образованности и покрылся лаком внешнего приличия, созданного щепетильным этикетом блестяще-

го двора Людовика XIV. Это было все, что он вынес из своего пребывания за границей; впрочем, он привез с собою оттуда также несколько ящичков книг, красиво переплетенных, но не прочитанных.

На другой же день своего приезда в Митаву Волконский побывал у русского резидента в Курляндии Бестужева, силою царя Петра управляющего всем герцогством, согласно воле своего государя.

Бестужев, к которому у князя Никиты было рекомендательное письмо из Петербурга, принял его ласково, пригласил к себе на обед, расспросил о петербургских знакомых, о государе, о дворе и тут же представил своей дочери Аграфене Петровне.

В гостиной Бестужева пахло какими-то очень сильными, должно быть, восточными курениями, стояла золотая мебель, обитая голубым штофом, и блестел, как зеркало, вылощенный, натертый воском паркет. Князь Никита видал роскошь, видал богатые дома в Петербурге, недавно выросшем на болотах, и в Москве, но там было все далеко не то, что здесь. Не было этой блестящей чистоты, отделанности, законченности и вместе с тем кажущейся простоты.

Молодая хозяйка дома тоже казалась вовсе не похожею на тех, вечно робевших и боявшихся взглянуть, не только говорить, молодых девушек, полных и румяных, которых Никита Федорович видал до сих пор. Бестужева не только не робела пред ним, но, напротив, он чувствовал, что сам, с каждым словом все больше и больше робет пред нею и не смеет поднять свои глаза, глупо уставившиеся на маленькую, плотно обтянутую чулком, точеную

ножку девушки, смело выглянувшую из-под ловко сшитого шелкового платья.

Волконский не знал, как и вовремя ли он встал, поклонился и вышел осторожно, чтоб не поскользнуться, ступая по паркету. Выходя, он решил, что больше не поедет к Бестужеву.

— Ты понимаешь, — сказал он в тот же вечер Черемзину, — что мне здесь у вас не нравится? Видишь ли, воли нет, простора, все тут сжато. Вот и дома. Они, пожалуй, и больше наших московских, а все-таки как-то давят; не хоромы они... Так и все. Дворец вот...

— Замок, — поправил Черемзин.

— Ну, замок, что ли... Ты посмотри: окошечки узенькие, стены толстые, рвы, валы кругом. Да и люди тоже, скажу тебе, все в себя сжались, точно весь мир они только и есть, точно все существо жизни они притянули к себе, да и сдавили его. Разве так, без воли, проживешь?

— Это ты, должно быть, с дороги устал, мой милый, — возразил Черемзин. — А, впрочем, если желаешь простора, выйди погулять за город: там, брат, такой уж простор — прелесть...

— Что ж, и пойду, — согласился Волконский, — а то здесь просто душно... Ты не пойдешь? — спросил он уже со шляпой и тростью в руках.

Черемзин зевнул, закинул руку за голову и отрицательно покачал головой.

— Ну, так я один пойду.

— Смотри, не опоздай вернуться — после заката в замке поднимут мост, — крикнул Черемзин ему вслед.

Выйдя из замка, Волконский направился прямо в поле по первой попавшейся дороге.

Вечер был тих и прекрасен. С лугов веяло запахом скошенного сена, и дышалось легко. Солнце садилось, окрашивая небосклон нежными красками то огненного, то желтовато-бледного заката. Волконский, испытывая особенное наслаждение поразмяться после сиденья в неудобном экипаже, шел, объятый прелестью этого летнего вечера.

Через несколько времени он остановился, чтобы перевести дух. Сзади открылся ему вид на плоскую, окруженную зеленью Митаву, с ее длинными шпицами лютеранских церквей и силуэтом темного замка. Черепичные кровли домов, окруженные темно-зелеными кущами деревьев, румянились косыми лучами заката, отражавшегося с этой стороны в изгибах реки, прозрачной и светлой.

Вдалеке, у конца расстилавшейся от ног Никиты Федоровича прямой, суживавшейся к городу дороги скакали несколько лошадей.

Впереди других Никита Федорович разглядел амазонку, которая подгоняла хлыстом свою и без того скакавшую широким галопом большую серую лошадь. Остальные, видимо, едва могли следовать за нею. На амазонке было темно-зеленое широкое платье с бархатною красною накидкой, красиво развевавшееся на ходу лошади. Она быстро приближалась по дороге, подымая отягощенную вечернею сыростью пыль. Еще несколько секунд, и Никита Федорович узнал в ней Бестужеву.

Оу узнал ее, хотя теперь она была совсем другою, чем там, у себя дома. Она сдержала уже свою лошадь и вполборота разговаривала с нагнавшим ее русским драгунским офицером. Тот поднявшись на стременах и почти-